
ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

SPECIAL TOPIC SECTION

УДК 378.4(476-25)(091)

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПЕРВОГО УНИВЕРСИТЕТА БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО УКРЕПЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (1919–1925)

О. А. ЯНОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основе новых архивных данных рассматривается процесс закрепления важнейших институциональных характеристик (кадровое обеспечение, организационные формы обучения и научных исследований, особенности структуры и др.) первого университета Беларуси – Белорусского государственного университета. Данный процесс отражает институциональную эволюцию учреждения высшего образования. Развитие университета рассматривается в контексте политического и экономического укрепления белорусского государства, а также практики его взаимоотношений с РСФСР (СССР). Показываются трудности, которые приходилось преодолевать университету и государству на пути достижения если не полной самостоятельности, то равноправия в условиях первоначально зыбких представлений об исторической самодостаточности белорусов в политической и общественной среде.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; белорусская государственность; институциональные характеристики; РСФСР; СССР; политика; экономика; формы взаимодействия.

Благодарность. Работа выполнена в рамках темы 1.03.21 «Институционализация образования и науки Беларуси в условиях общественно-политических процессов 1920–1930-х гг.» подпрограммы 1 «История» государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг.

Образец цитирования:

Яновский ОА. Эволюция институциональных характеристик первого университета Беларуси в условиях политического и экономического укрепления белорусской государственности (1919–1925). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2023;4:41–53. EDN: MRZHLS

For citation:

Yanouski AA. Evolution of the institutional characteristics of the first university of Belarus under the political and economic strengthening of the Belarusian statehood (1919–1925). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2023;4:41–53. Russian. EDN: MRZHLS

Автор:

Олег Антонович Яновский – кандидат исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории России исторического факультета.

Author:

Aleh A. Yanouski, PhD (history), full professor; head of the department of Russian history, faculty of history. helgoleg@mail.ru

ЭВАЛЮЦЫЯ ІНСТЫТУЦЫЯНАЛЬНЫХ ХАРАКТАРЫСТЫК ПЕРШАГА ЁНІВЕРСІТЭТА БЕЛАРУСІ ВА ЁМОВАХ ПАЛІТЫЧНАГА І ЭКАНАМІЧНАГА ЁМАЦАВАННЯ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ (1919–1925)

А. А. ЯНОЎСКІ^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

На аснове новых архіўных даных разглядаецца працэс замацавання найважнейшых інстытуцыянальных характарыстык (кадравае забеспячэнне, арганізацыйныя формы навучання і навуковых даследаванняў, асаблівасці структуры і інш.) першага ўніверсітэта Беларусі – Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гэты працэс адлюстроўвае інстытуцыянальную эвалюцыю ўстановай вышэйшай адукацыі. Развіццё ўніверсітэта разглядаецца ў кантэксце палітычнага і эканамічнага ўмацавання беларускай дзяржавы, практыкі яе ўзаемаадносін з РСФСР (СССР). Паказваюцца цяжкасці, якія даводзілася пераадолюваць краіне і ўніверсітэту на шляху дасягнення калі не поўнай самастойнасці, то раўнапраўя ва ўмовах першапачаткова няўстойлівых уяўленняў аб гістарычнай самадастатковасці беларусаў у палітычным і грамадскім асяроддзі.

Ключавыя словы: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; беларуская дзяржаўнасць; інстытуцыянальныя характарыстыкі; РСФСР; СССР; палітыка; эканоміка; формы ўзаемадзеяння.

Падзяка. Работа выканана ў рамках тэмы 1.03.21 «Інстытуцыяналізацыя адукацыі і навукі Беларусі ва ўмовах грамадска-палітычных працэсаў 1920–1930-х гг.» падпраграмы 1 «Гісторыя» дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг.

EVOLUTION OF THE INSTITUTIONAL CHARACTERISTICS OF THE FIRST UNIVERSITY OF BELARUS UNDER THE POLITICAL AND ECONOMIC STRENGTHENING OF THE BELARUSIAN STATEHOOD (1919–1925)

A. A. YANOUSKI^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

On the basis of new archival data, the process of consolidating the most important institutional characteristics (staffing, organisational forms of training and research, structural features, etc.) of the first university of Belarus – the Belarusian State University is considered. This process reflects the institutional evolution of the institution of higher education. The evolution of university institutionalism is considered against the background of the political and economic strengthening of the Belarusian statehood, the practice of its relations with the RSFSR (USSR). The difficulties that both the state and its university had to overcome on the way to achieving, if not complete independence, then equality in the conditions of initially shaky ideas in the political environment and public perception of the historical self-sufficiency of Belarusians are shown.

Keywords: Belarusian State University; Belarusian statehood; institutional characteristics; RSFSR; USSR; policy; economics; forms of interaction.

Acknowledgements. The work was carried out within the framework of the theme 1.03.21 «Institutionalisation of education and science in Belarus in the conditions of socio-political processes of the 1920–1930s» subprogramme 1 «History» of the state research programme «Society and humanitarian security of the Belarusian state» for 2021–2025.

Введение

История Белорусского государственного университета – первого университета белорусского государства – ведет отсчет с февраля 1919 г. На сегодня она изучена достаточно подробно, однако в ней по-прежнему немало деталей общего и частного характера, которые исследователи еще не изъяли из глубин архивных фондов. Таким образом, дальнейшее из-

учение эволюции институциональных характеристик этого многофункционального и постоянно совершенствующегося организма представляет интерес для специалистов. Существование БГУ всегда было обусловлено как внутренними трендами развития всех университетов мира, так и внешними общественными, политическими, экономическими и другими

факторами. Хронологические рамки настоящего исследования охватывают период от зарождения белорусской государственности до первой реализации университетского проекта (первого выпуска подготовленных в стенах университета экономистов и юристов), т. е. с января 1919 г. до февраля 1925 г. Конечно, некоторые смысловые отклонения от этих рамок и необходимы, и уместны.

В русле размышлений следует обратиться к значимым политическим факторам развития БГУ – становлению белорусской государственности и учреждению Союза Советских Социалистических Республик. Важно проследить, как университетское сообщество воспринимало свою принадлежность к «местному государству» – Социалистической Советской Республике Белоруссии (ССРБ), и как менялось это восприятие. Изучение архивных документов позволяет сделать вывод о том, что профессорско-преподавательский коллектив БГУ, состоявший в основном из педагогов старой закалки, не сразу принял факт существования новой политической конструкции, вдруг утвердившейся на западных рубежах бывшей имперской России и новой Советской России. Интерес представляют и иные обстоятельства развития университета: постоянное пополнение студенчества выходцами из пролетарско-крестьянской среды, а также усиление роли партийной и комсомольской организаций с их весьма своеобразным пониманием новой жизни.

Сегодня историки не придают большого значения сущности исторических дефиниций, используя в своих работах первоначальные полные или аббревиатурные наименования белорусской государственности. Однако нельзя забывать, что определение «Социалистическая Советская Республика Белоруссия» первого утверждения вовсе не тождественно определению «Белорусская Советская Социалистическая Республика» в период вхождения страны в СССР. Очевидно, что те смысловые акценты, которые изначально содержались в названии белорусского государства, на протяжении 1919–1922 гг. изменялись в силу бурных политических пертурбаций. В вариантах названия Республики Белоруссии превалировала то социалистическая, то советская парадигма. В декларации об образовании СССР было закреплено наименование «Белорусская Социалистическая Советская Республика», хотя в дальнейшем использовалось наименование «Белорусская Советская Социалистическая Республика».

Методология исследования

За последнее столетие одна лишь белорусская историография на указанную тему претерпела множество переоценок, где аргументы за и против су-

Подобные лексико-терминологические поиски властных структур, безусловно, вносили определенные коррективы в психологические установки преподавателей, сотрудников и студентов БГУ. У представителей педагогического сообщества постепенно утверждалось понимание того, что создается университет белорусского, а не российского государства, университет отдельной республики, а не университет на западных рубежах РСФСР. Но путь от этого понимания к внутренней убежденности, подкрепленной чувствами именно белорусского патриотизма, оказался непростым.

БГУ «состоялся» в результате долгого осмысления сущностного предназначения новой образовательной структуры. Знаменательно, что создание университета стало чуть ли не первым официальным проектом молодого белорусского государства. К реализации первых организационных шагов в этом направлении и приступила 24 февраля 1919 г. ССРБ (причем сама она была декларирована менее чем двумя месяцами ранее – 1 января 1919 г.).

Создание БГУ и становление белорусской государственности после революционных потрясений 1917–1919 гг., конечно, явились итогом многолетних тенденций развития общества. Не углубляясь в перипетии внутренних и внешних политических событий тех лет, не вступая в бесконечный спор об истинных замыслах и стратегии большевиков (хотя бы насчет буферности белорусских земель в условиях агрессивной политики Запада), можно констатировать: создание ССРБ, как и учреждение БГУ, не могло состояться без всеобъемлющей поддержки Советской России, какой бы политически прагматичной она ни была в то время. В данном контексте уместно сослаться на А. Г. Червякова, ставшего очевидцем советско-польских переговоров в Риге. В своих письмах коллегам осенью 1920 г. он указывал на вполне ясные и точные заявления, прозвучавшие на переговорах по поводу Белоруссии, Украины и Литвы. Также А. Г. Червяков с горечью констатировал, что глава российской делегации А. А. Иоффе сделал акцент на безусловном приоритете вопроса о положении на фронте и второстепенности вопроса о политической судьбе белорусского государства. Данное обстоятельство свидетельствовало о том, что «раздел Белоруссии уже предreshен», и этим «доброе белорусское имя» А. Г. Червякова «будет скомпрометировано навеки»¹.

ественно разнятся. Это можно увидеть в работах как современников тех событий [1], так и советских исследователей, сформировавших канонические

¹Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 3. Д. 455. Кор. 32. Л. 1–3; *Шумейко М. Ф.* 70 лет назад, в Риге (письма А. Г. Червякова о советско-польских переговорах в Риге) // *Коммунист Белоруссии*. 1991. № 9. С. 14–20. (Тексты документов и материалов приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.)

представления о судьбоносном для становления белорусской государственности времени [2–4]. Известными своими глубокими познаниями начальной истории белорусской советской государственности В. В. Скалабан, публикуя некоторые письма из архива историка и правоведа В. А. Круталевича и представляя краткие воспоминания о нем, указывал на остроту перманентной полемики в кругах белорусских историков по поводу того, кто создал БССР и кому принадлежала главенствующая роль в этом процессе – ЦК РКП(б), белорусским секциям РКП(б), смоленским большевикам или Белорусскому национальному комиссариату. При этом В. В. Скалабан подчеркивал научное значение вышедшего в 1975–1979 гг. из-под пера его старшего коллеги двухтомника под названием «Рождение Белорусской Советской Республики», который стал результатом работы историка над докторской диссертацией [5, с. 42, 43].

Попытки переосмыслить события 1917–1922 гг. и рассмотреть их с новых позиций неоднократно предпринимались поколением историков рубежа XX–XXI вв. (представителей старой и новой формаций). Данные исследования необходимо интерпретировать в контексте строительства суверенного белорусского государства [6–16].

И сегодня отечественные историки не считают завершенной полемику своих предшественников. Об этом свидетельствуют, например, труды по истории белорусской государственности [17–19], изданные Институтом истории НАН Беларуси. В 3-м томе издания [17] главное внимание уделено новому изложению происходивших после 1917 г. событий, которые позволили свершиться особой белорусской государственности – советской, социалистической [20]. Неоднозначность развития этого процесса нашла визуальное отражение в картах 4-го тома издания «Вялікі гістарычны атлас Беларусі»². В работе подробно представлены документальные и исследовательские материалы, относящиеся к тому периоду.

История белорусской государственности емко воспроизводится в учебном пособии, подготовленном университетскими профессорами³. Благодаря этому изданию появилась возможность чтения единого для вузов Беларуси одноименного учебного курса. В пособии представлена тема с характерным названием «Нацыянальна-дзяржаўнае будаўніцтва ў 1917–1941 гг.». На 25 страницах университетского издания освещены важнейшие процессы и события, которые сопровождали многотрудный путь национально-государственного строительства Беларуси («рэвалюцыя і беларускае пытанне», «абвешчэнне БНР», «роля Белнацкама», «Літбел», «другое абвешчэнне ССРБ», «наступствы Рыжскага міру», «стварэнне СССР», «узбуйненні БССР» и т. д.⁴).

Автор статьи не раз в разных ракурсах представлял читателю и коллегам обстоятельства рождения БГУ как раз в условиях национально-государственного строительства. В данном случае небезынтересно обратиться к осмыслению включенности университетского коллектива в события тех лет. Первый год работы БГУ был значимым: вырисовывались перспективы деятельности университета, а также предлагались, корректировались, реализовывались, а часто и отвергались идеи, рожденные в умах ученых и политиков на этапе осмысления вопроса: «Каким должен быть белорусский университет?» (именно так формулировал вопрос белорусский математик И. Р. Брайтцев). Свои проекты предлагали незаурядные ученые филолог Е. Ф. Карский и историк М. В. Довнар-Запольский – уроженцы Беларуси, прославившиеся и в России. Известно, каким БГУ видели работники Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) РСФСР и первые отечественные партийно-государственные лидеры белорус А. Г. Червяков, латыш В. Г. Кнорин и армянин А. Ф. Мясников, каким его представляли в предложениях наверх (в центральные государственные органы РСФСР и ССРБ) руководители Минского губернского отдела народного образования русский И. С. Саватеев и еврейка М. Я. Фрумкина, нарком от сферы образования ССРБ белорус В. М. Игнатовский. Впрочем, постепенно в спорах и был рожден окончательный проект университета со всеми его институтами. В первых учебных планах следовало адаптировать российские образовательные традиции к белорусской специфике (например, русский философ В. Н. Ивановский настаивал на том, чтобы в преподавании истории высшего образования студентам-гуманитариям первоочередное внимание должно быть уделено развитию данного направления в России).

Таким образом, 1922 год стал годом бурной деятельности, годом проб и ошибок. И даже несмотря на чудовищную постреволюционную и поствоенную разруху, политическая обстановка позволяла мыслить категориями созидания, а не предаваться унынию. Такие условия создавались и благодаря тесному взаимодействию молодых советских республик. Коллектив БГУ не мог не оценить это взаимодействие, ведь оно предоставляло возможности для интеллектуальной кооперации, от которой зависело многое, особенно в финансовом и кадровом отношении. Не секрет, что финансирование университета осуществлялось Наркомпросом РСФСР, кадры профессуры (и не только) рекрутировались из разных регионов России (а также из Украины и закавказских республик) при непосредственном участии российского ведомства. И если бы произошло резкое размежевание стран по национальному признаку, то о перспективах создания белорусского государства

²Вялікі гістарычны атлас Беларусі : у 4 т. Т. 4. / рэд. В. Л. Насевіч. Мінск : Белкартаграфія, 2018. С. 17–23.

³Гісторыя беларускай дзяржаўнасці : вуч. дапам. / І. А. Марзалюк [і інш.]. Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2022. 447 с.

⁴Там жа.

и учреждения белорусского университета можно было бы говорить лишь гипотетически.

Нельзя не принимать в расчет очевидную и в обозримом прошлом, и в реалиях первичных революционных переустройств старого порядка политику сдерживания национально-государственных устремлений белорусов. Она проводилась самодержавной Россией, а также была частью стратегии первых советско-российских властей. Известно, например,

что белорусские представители не были допущены к обсуждению условий Рижского мирного договора. Вопросы, касающиеся непосредственно Беларуси, решались польской стороной и участниками переговоров от России и Украины. При этом роль будущего первого ректора БГУ В. И. Пичеты в качестве эксперта российской делегации представляется очевидно значимой. Всестороннее исследование этого вопроса проведено профессором М. Ф. Шумейко⁵ [21–23].

Результаты и их обсуждение

Прежде всего следует обратиться к фактам в предметном поле данной публикации. Так, 31 октября 1921 г. в аудитории № 1 БГУ была прочитана первая лекция. Со следующего дня начались регулярные занятия на медицинском факультете и факультете общественных наук. Для 1711 студентов (на факультете общественных наук обучались 1110 человек, на медицинском факультете – 310 человек, на рабочем факультете – 291 человек), 18 профессоров, 65 преподавателей и ассистентов начался учебный год⁶. Следует заметить, что эти данные руководство БГУ отослало в Москву еще 26 ноября 1921 г., как и предписывалось циркуляром Совета по делам вузов РСФСР. В реальности же университет начал свою деятельность с более скромных цифр, так как немало представителей профессорско-преподавательского состава и студентов, заявивших о намерении одновременно работать и учиться, не смогли приступить к занятиям сразу.

Начавшийся образовательный процесс вселял надежды. Однако два полноценных факультета университетского уровня (факультет общественных наук и медицинский факультет) и один подготовительный (рабочий факультет) не отвечали классическим образцам университетских структур, как и не закрывали потребности молодой республики в сферах политической, общественной и экономической жизни. По этой причине только обращение к опыту вузов других советских республик, дореволюционных университетов и неременное вхождение в европейское пространство высшей школы позволяли строить перспективы развития институциональных характеристик БГУ.

Описывая сложные обстоятельства первого года работы университета, ректор В. И. Пичета вспоминал, что «хозяйство Беларуси было уничтожено», «страна вообще была в руинах», «огромное влияние на организационную работу по строительству университета оказал «большой голод в Поволжье»⁷. Кроме того, негативным фактором выступало не-

регулярное финансирование БГУ. Фактически руководство университетом на протяжении двух с половиной лет осуществлял Наркомпрос РСФСР, тогда как Наркомпрос ССРБ лишь контролировал исполнение московских постановлений.

В. И. Пичета, вспоминая о первых годах деятельности БГУ, лишь штрихами обозначал тяготы 1921–1922 гг. Развернутая же характеристика положения университета в те годы найдена автором статьи в ф. 93 и ф. 205 НАРБ. Так, в докладной записке, поданной в СНК ССРБ в начале февраля 1922 г., В. И. Пичета констатировал, что зарубежная пресса недоброжелательна к БГУ, она искажает многие факты. Далее он излагал суровую прозу повседневных забот и проблем. Катастрофическая нехватка всего даже для минимального обеспечения учебного процесса заставляла беспокоиться: «...многие начинают сомневаться в жизнеспособности университета», это «волнует учащуюся молодежь». В. И. Пичета был убежден в том, что «культурно-экономическое возрождение Белоруссии немыслимо без высшей школы». При этом он продолжал использовать в своей аргументации лексику, отражавшую российскую доминанту как в судьбе БГУ, так и в судьбе белорусского государства. Можно привести весьма характерный пример. Когда БГУ отмечал первую годовщину деятельности, председателю ЦИК ССРБ А. Г. Червякову была послана поздравительная телеграмма. Можно предположить, что она написана В. И. Пичетой. В тексте встречаются утверждения о БГУ как о центре «культурного очага края», как об университете, находящемся «на крайней западной границе Советской федерации», а также о «дальнейшей коллективной работе с центральными советскими организациями»⁸. Подобная терминология отражала политические реалии тех лет, когда даже в университетской среде только намечалось осознание смысла, заключенного в названии «Белорусский государственный университет».

⁵ Доклад В. И. Пичеты «Влияние договоров РСФСР с отделившимися государствами (Польшей, Литвой и Латвией) на состояние белорусских архивов» на 1-й Всебелорусской конференции архивных работников 14 мая 1924 г. (протокольная запись) // Первая всебелорусская конференция архивных работников. 12–15 мая 1924 г. : док. и материалы / сост. М. Ф. Шумейко. Минск : БелНИИДАД, 1999. С. 34–35.

⁶ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 24. Л. 2, 3.

⁷ Пичета В. І. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт напярэдадні 10-годдзя Кастрычніцкай рэвалюцыі // Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 1921–1927: да 10-й гадавіны Кастрычніцкай рэвалюцыі. Мінск : [б. в.], 1927. С. 7, 21.

⁸ НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 124. Л. 37 ; Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 25. Л. 6, 6а.

В цитируемой докладной записке излагались объективные, но уже достаточно дежурные проблемы. Больше всего ректора угнетало то, что БГУ «не имеет своей брони и живет милостью дающих» и, несмотря на то что 1921 г. был очень «тяжелым для РСФСР», необходимо «хлопотать перед Наркомпросом РСФСР» даже по самым мелким вопросам. Интересно, что В. И. Пичета, гуманитарий, предложил СНК РСФСР оригинальную идею изыскания средств на нужды наиболее затратного факультета – медицинского: «...тяжелое финансово-экономическое положение республики ставит на очередь вопрос об организации производственных предприятий, которые могли бы давать известный доход, поступаемый исключительно на оборудование медфака». Также часть студентов он предложил «обложить 10 рублями довоенного времени»⁹. Кстати, вскоре и было введено платное обучение. Ректор также был возмущен тем, что ряд зданий и иное имущество, которое в 1919–1921 гг. было передано БГУ на основании декретов белорусского ЦИК, оказались в распоряжении военных деятелей и чекистов.

В политических условиях тех лет лексика, отражавшая суть БГУ как университета именно белорусского государства, а не некоего края РСФСР, утверждалась медленно, с трудом. Правда, уже в 1922 г. слово «край» стало употребляться в белорусском контексте. Более того, в своих публичных выступлениях и научных работах В. И. Пичета применительно к территории БССР (как до ее укрупнений, так и после них) использовал не только формулировку «Белоруссия», но и определение «этнографическая Белоруссия». В эти дефиниции он вкладывал смысл, известный ему из сочинений Е. Ф. Карского (впрочем, В. И. Пичета исходил и из собственного прочтения истории белорусского народа).

Следует отдать должное всем заинтересованным сторонам, создававшим такую сложную институцию, как БГУ. Благодаря совместным усилиям руководителей двух советских республик, а также правления и профессуры университета в 1922 г. на базе факультета общественных наук был открыт педагогический факультет, а в 1925 г. был учрежден факультет права и хозяйства. Кроме того, состоялся набор 3-го курса медицинского факультета БГУ из числа тех, кто не завершил обучение по этому профилю в других университетах. Характерно, что в течение 1922 г. глава ССРБ А. Г. Червяков практически не покидал Москву. Так, в феврале 1922 г. В. И. Пичета направил ему докладную записку с просьбой о содействии в решении злободневных вопросов. В октябре этого же года в телеграмме из Москвы А. Г. Червяков поздравлял БГУ с первой годовщиной деятельности и напоминал

всему коллективу университета о главной задаче: «восстановление, развитие хозяйства Белоруссии и ее культурное возрождение»¹⁰. Телеграмму подписали также нарком финансов ССРБ С. Я. Талунтис и заместитель полномочного представителя ССРБ в РСФСР Г. Е. Па(о)речин (который к тому же являлся автором монографии «Советские республики в их взаимоотношениях», вышедшей в Минске в 1922 г.).

Руководству СНК и ЦИК ССРБ приходилось просить у СНК и ВЦИК РСФСР содействия даже в мелочах (например, в поиске и закупке оборудования для физического кабинета, химической лаборатории и т. д.)¹¹. В 1922 г. ректор БГУ В. И. Пичета вынужден был работать по напряженному графику: семь дней в Москве и десять дней в Минске¹². В Москве он «выбивал» финансы, оборудование, книги, кадры, а в Минске давал распоряжения по выделенным ресурсам. Многочисленные организационные вопросы ложились также на плечи управляющего делами БГУ И. И. Метлина. Кстати, в Москве в связи с развертыванием деятельности БГУ было открыто отделение университетской канцелярии в составе 19 человек. Однако уже в августе 1922 г. правление БГУ приняло решение упразднить «представительство БГУ в Москве», оставив лишь «агента для особых поручений» Чадовича¹³. Возможно, это был студент БГУ Иван Васильевич Чадович, который после подготовительной учебы на рабочем факультете окончил медицинский факультет в 1928 г.

Положение о высших учебных заведениях РСФСР от 18 октября 1921 г., которому должен был следовать и БГУ, также не поспособствовало оперативности в решении университетских проблем. Только в 1924 г., в условиях СССР, БГУ и Наркомпрос БССР получили относительную самостоятельность, хотя о разрыве «пуповины» с Москвой не могло быть и речи. Разработка стратегии развития, определение основных направлений деятельности вузов и их финансирование обеспечивались Наркомпросом РСФСР. Правительство республики предпринимало все возможные шаги по накоплению местных ресурсов для обеспечения своей автономности, в том числе в отношении деятельности БГУ. Например, 11 марта 1922 г. на заседании СНК ССРБ слушался вопрос «о положении высших школ» (вслед за БГУ был открыт Белорусский государственный институт сельского и лесного хозяйства). Речь шла о «спасении высшей школы Белоруссии от гибели вследствие чрезвычайно ограниченных средств, отпускаемых государством на их содержание». Было принято решение о разверстке: всем «хозяйственным комиссиям и организациям» вменялось в обязанность «делать ежемесячные отчисления в пользу высшей

⁹НАРБ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 128. Л. 22, 23.

¹⁰Там же. Л. 25.

¹¹Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Т. 2. Л. 329, 390.

¹²Там же. Д. 124. Л. 187.

¹³НАРБ. Л. 193, 89.

школы». Также было решено обратиться к Витебскому и Гомельскому губисполкомам «с воззванием о поддержке университета». Прошло несколько месяцев, и СНК ССРБ вновь декларировал необходимость «войти в тесные сношения» с Витебским, Гомельским и Смоленским губисполкомами насчет средств для БГУ. Таким образом, мартовские решения реализованы не были. Руководству БГУ было поручено самостоятельно установить контакт с российскими губерниями¹⁴.

В отчете правления БГУ за 1922/23 учебный год указывалось, что работа университета проходила «в тяжелых условиях, не было определенного бюджета... средства отпускались в незначительном количестве». Через год в отчетном докладе В. И. Пичеты прозвучали слова о «хронической нехватке денег». Ректор отмечал, что в 1923 г. БГУ получил две трети средств от «шести уездов Советской Беларуси», тогда как Главное управление профессионального образования (далее – Главпрофобр) Наркомпроса РСФСР дало «только одну треть». Тем не менее В. И. Пичета выразил уверенность в том, что БГУ «в скором времени будет стоять на равной высоте со столичными университетами», подразумевая под последними вузы Москвы и Петрограда¹⁵.

Москва принуждала руководство Витебского и Смоленского губисполкомов участвовать в финансировании БГУ. Главпрофобр РСФСР был обязан передать в Минск имущество (главным образом книги) закрытых Витебского и Смоленского отделений Московского археологического института. Однако эти усилия не возымели должного эффекта из-за организационных задержек и бюрократизма советско-партийных чиновников. Решение этих вопросов растянулось почти на всю осень 1922 г.¹⁶ Для сравнения можно привести некоторые данные: за 1922 г. БГУ получил от Наркомпроса ССРБ более 110 млн руб., а от Народного комиссариата финансов ССРБ почти 1 млрд 200 млн руб., из Москвы же из разных источников поступило более 376 млрд руб. в виде реальных и кредитных денег¹⁷.

С 1922 г., помимо налаживания учебного процесса и решения хозяйственных проблем, университет развернул широкую научно-популяризаторскую кампанию с очевидным культурно-просветительским уклоном. Проведение всевозможных собраний, заседаний и чтений по случаю политических, научных и культурных событий стало традицией. Впрочем, данная кампания имела и абсолютно прагматичные цели: все публичные выступления профессоров оплачивались жаждающими знаний слуша-

телями. Собранные деньги шли как в кассу БГУ, так и ораторам в качестве гонораров. По предложению ректора были организованы публичные лекции, а полученные средства отдавались на поддержку голодающих. Лекции читали профессора С. Я. Вольфсон, В. Н. Перцев, Д. П. Кончаловский, И. М. Соловьёв, А. Н. Вознесенский и др. Каждая лекция приносила в среднем 500 тыс. руб.¹⁸

Усилия представителей научного сообщества имели огромное идеологическое значение, вот только финансовые поступления в кассу университета от подобных лекций были ничтожны в сравнении с потребностями. Необходимо было предоставлять профессорам более-менее благоустроенные квартиры или общежития, централизованно одевать и обувать их. Например, профессор В. Н. Ивановский получил для семьи три пары детской обуви «из фондов Главсоцвоса (Главного управления социального воспитания и политехнического образования детей Наркомпроса РСФСР. – О. Я.)»¹⁹. Принимались все возможные усилия для того, чтобы интеллектуалы могли продуктивно заниматься своим делом в университетских аудиториях, кабинетах и лабораториях, не беспокоясь за быт своих семей. С 1922 г. решению этих вопросов способствовало белорусское подразделение Центральной комиссии по улучшению быта ученых при СНК РСФСР (далее – БелКУБУ). Очевидно, что его учреждение было инициировано Москвой в целях контроля за кадровым вопросом в БГУ.

В решении СНК ССРБ от 6 октября 1922 г. определялось, что БелКУБУ «действует в контакте с Центральной комиссией по улучшению быта ученых РСФСР»²⁰. Львиная доля материальных ресурсов поступала в Минск через Москву. Сегодня сложно судить о том, насколько остро преподаватели и сотрудники университета нуждались в скрупулезно задокументированных эмалированных тазах и мисках, сковородках с крышками и без крышек, банках сухого супа и сухих овощей, рыбных и мясных консервах, плитках цикория, кусках мыла и коробках гуталина. Получаемые от БелКУБУ пуды кофе и чая – столь привычные стимуляторы умственной деятельности – тщательно взвешивались и рассыпались по порционным фунтам. Для получения одежды, тканей, обуви и продуктов питания БГУ командировал в Москву своих представителей. Все полученные ресурсы следовало доставить в Минск для распределения между научными работниками²¹. Несмотря на то что в Москву направлялись наиболее авторитетные представители из числа профессоров и преподавателей, случались

¹⁴НАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 28. Л. 16, 64.

¹⁵Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213. Л. 283–284.

¹⁶Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 124. Л. 1–4, 110.

¹⁷Там же. Л. 193.

¹⁸Там же. Л. 188.

¹⁹Там же. Л. 172.

²⁰Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 28. Л. 83.

²¹НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 36. Л. 4–6.

неприятные ситуации, когда сотрудники университета сомневались в порядочности своих коллег.

Постепенно университет строился. Его развитие было возможным благодаря энтузиазму преподавателей и студентов (несмотря на их нищету и полуголодное состояние), а также серьезной организационной работе, проводившейся руководством ССРБ, РСФСР и, конечно, БГУ. В качестве подтверждения можно привести следующие цифры: 29 ноября 1922 г. на последнем заседании приемной комиссии университета был констатирован рост количества студентов медицинского факультета на 231 человека, факультета общественных наук на 517 человек и педагогического факультета на 66 человек²².

В сохранившихся свидетельствах о разных направлениях работы БГУ в 1922 г. весьма странным является то, что в большом перечне мероприятий не упоминаются факты, связанные с подготовкой к учреждению СССР. Возможно, их еще предстоит найти, например в ф. 6 или ф. 205 НАРБ, где хранится часть протоколов заседаний правления БГУ, в том числе за декабрь 1922 г. Как можно судить по архивным материалам, до декабря 1922 г. коллектив БГУ, погружившись в налаживание учебного процесса и осмысление научных перспектив, не предпринимал никаких подготовительных действий к вхождению ССРБ в СССР. Вместе с тем 13 декабря 1922 г. на заседании Минского горсовета от БГУ были избраны три делегата на столь судьбоносный IV Всебелорусский съезд Советов ССРБ (14–18 декабря 1922 г.): ректор БГУ В. И. Пичета, его заместитель С. З. Каценбоген, а также студент, военком, член правления БГУ и работник Народного комиссариата здравоохранения ССРБ С. И. Боркусевич. На съезде Советов Слуцкого уезда в качестве делегата на IV Всебелорусский съезд Советов ССРБ избрали профессора БГУ и наркома просвещения В. М. Игнатовского. Все указанные лица получили право решающего голоса²³. Таким образом, четыре представителя БГУ участвовали в работе съезда, принявшего 18 декабря 1922 г. декларацию о предоставлении всех полномочий белорусской делегации на подписание союзного договора²⁴. Исключительно важным является то, что ректор В. И. Пичета выступал на съезде и довел до сведения этого высшего в республике органа власти «безусловное желание профессоров и преподавателей БГУ принимать искреннее участие в делах социалистического строительства»²⁵.

Уже с 1923 г. в лексике деловых бумаг, которыми все больше «обрастал» университет, начали доминировать отсылки не к РСФСР, а к СССР (как, например, в случае реакции на условия Рижского мирного договора, когда совет БГУ посчитал, что архивы, имеющие главное значение для истории Беларуси, должны остаться в СССР). В том или ином контексте употреблялись формулировки «абшары СССР», «межы СССР», «наш Союз», но не «РСФСР». Весьма характерна в этом отношении лексика, использовавшаяся в обращении ученых БГУ «К ученым Запада», которое было представлено 15 мая 1923 г. на общем университетском собрании по поводу обострения международной ситуации. Если в протокольных записях говорится о «взволнованности общественных кругов Советской России», о реакции «столичных газет РСФСР», то в самом обращении используется формулировка о гибельном развязывании «войны государств Запада с Союзом Советских Социалистических Республик»²⁶.

Уже с 1923 г. тема СССР в разных контекстах вводилась в проблематику учебного процесса, научных изысканий и новых связей с РСФСР в образовательной сфере. Можно привести несколько примеров. Так, на съезде нотариусов БССР (1923) профессор-юрист М. О. Гредингер выступил с докладом «Роль нотариата в СССР и, в частности, его значение при совершении завещательных и дарственных актов». Его младший коллега преподаватель П. О. Гречихо проводил для студентов факультета общественных наук БГУ семинары по проблеме налогообложения в СССР. В отчете о состоявшихся занятиях он отмечал, что изучение местных налогов было пройдено кратко ввиду отмены многих из них. Новое осмысление правовых аспектов взаимоотношений ССРБ и РСФСР представлено в научной статье Н. М. Гутковского «Создание Советской Социалистической Республики Беларуси и формы фактической связи ее с РСФСР», опубликованной в сборнике «Беларусь. Очерки истории экономики, культуры и революционного движения»²⁷. Указанный сборник вышел в Москве в 1924 г., в тот период, когда Н. М. Гутковский работал в постоянном представительстве БССР при правительстве СССР, аппарате союзного ЦИК и некоторое время являлся консультантом Комиссии законодательных проектов при СНК БССР²⁸.

Работая в БГУ, Н. М. Гутковский в 1923 г. первым из правоведов стал проводить лекции и семинары на белорусском языке. Хороший опыт в данном направлении он получил благодаря работе в недавно

²² Там же. Д. 60. Л. 68.

²³ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 91. Л. 458; Д. 83. Л. 471.

²⁴ Документальная летопись Беларуси (1922). Состоялся 4-й Всебелорусский съезд Советов [Электронный ресурс] // Архив Беларуси. URL: <https://archives.gov.by> (дата обращения: 14.12.2022).

²⁵ Пичета В. І. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт напярэдадні 10-годдзя Кастрычніцкай рэвалюцыі. С. 13, 15.

²⁶ Працяг агульнага сходу навуковых работнікаў БДУ па пытанні міжнародных адносін // Знеш. палітыка Беларусі : зб. дак. і матэрыялаў. Т. 2. 1923–1927 гг. / склад. У. М. Міхнюк [і інш.]. Мінск : [б. в.], 1999. С. 35–36.

²⁷ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 87. Л. 15–17.

²⁸ Гутковский Николай Макарович // Знаменитые люди Гомельщины [Электронный ресурс]. URL: <https://person.goub.by/?p=1165> (дата обращения: 28.12.2022).

созданном Институте белорусской культуры, где занимался переводом юридических терминов на белорусский язык и заложил лексическую основу для разработки законодательства Беларуси. В университете была сформирована группа из 24 студентов, которые под началом Н. М. Гутковского изучали премудрости юриспруденции исключительно на родном языке. Примечательно, что уже тогда лексика в названиях учебных тем, различных заданий и лекционных курсов претерпела определенные изменения. Например, если раньше акцент делался на правоведческой практике РСФСР, то с 1923 г. образовательный процесс стал предполагать изучение «советского права», «советских законов»²⁹.

Одномоментно изменить содержание уже сложившихся за 1919–1922 гг. отношений между Наркомпросом РСФСР и Наркомпросом БССР было не просто. Так, 10 апреля 1924 г. Главпрофобр РСФСР затребовал от руководства БГУ объясниться в срочном порядке, почему не присланы личные карточки научных работников. В своем ответе администрация университета указала, что отныне карточки подаются в Наркомпрос БССР «ввиду состоявшейся передачи вузов Беларуси» в его подчинение. При этом правление БГУ высказало заинтересованность в том, чтобы «сохранять связи с центральными учреждениями» РСФСР и просило по-прежнему высылать все декреты и циркулярные распоряжения о народном образовании Советской России, а также сообщать о проведении ректорских совещаний. Более того, правление БГУ выразило недоумение по поводу того, что не поступили средства на выплату стипендий студентам, которые направлялись на летнюю практику³⁰.

На начало 1923 г. БГУ продолжал неукоснительно исполнять инструкции и циркуляры, которые Главпрофобр РСФСР издавал для российских вузов (например, инструкцию о платном обучении студентов от 2 марта 1923 г.)³¹. Вместе с тем в 1923 г. в БССР уже была осуществлена собственная реформа высшего образования. С учетом этого БГУ требовалось вносить изменения в сырые учебные планы, которые создавались Наркомпросом РСФСР. При этом истоки проведения реформы высшего образования в БССР исходили из Москвы. Заместитель ректора БГУ профессор В. Н. Ивановский 3 июля 1923 г. присутствовал в Москве на ректорском совещании, а по приезде в Минск собрал «частное совещание профессоров и преподавателей», на котором изложил суть новаций. Уже 1 сентября Главпрофобр

БССР уточнил диспозицию: пересмотр учебных планов БГУ, как и прочие изменения «в связи с реформой учебного дела в Беларуси», будет производиться Наркомпросом БССР³².

Несмотря на принятое решение, подробнейший отчет о результатах приема студентов на 1923/24 учебный год БГУ, как и прежде, направил в Главпрофобр РСФСР. Сюда же в декабре 1923 г. университет адресовал отчет о ходе ликвидации Практического института народного образования в Могилёве, а также обратился с просьбой о выделении дополнительных стипендий и с жалобой на то, что Бюро заграничных закупок РСФСР не предоставило «никаких микроскопов»³³. Кроме того, циркуляр Главпрофобр РСФСР от 23 декабря 1923 г. предписывал БГУ, как следует переводить студентов с одного отделения на другое³⁴. За рубежом БГУ также продолжали воспринимать как российский вуз. Например, летом 1924 г. представители недавно созданного в Братиславе университета имени Яна Амоса Коменского обратились в правление БГУ с предложением обмениваться научной литературой, приведя следующий аргумент: медицинский факультет БГУ есть «в списке русских учреждений, имеющих право по постановлению СНК РСФСР от 16 января 1923 г. обмениваться своими изданиями»³⁵.

При знакомстве с отчетами БГУ за 1923 г. создается впечатление, что университет «задышался» от всевозможных писем, отписок, указаний, отчетов и прочих бумаг, которые необходимо было отсылать в два центра подчинения. Постепенно управление университетом переходило к Наркомпросу БССР, хотя количество бюрократических трудностей не снижалось. Так, в мае 1924 г. Главпрофобр БССР предписал правлению БГУ адресовать все заявки на получение оборудования для лабораторий и кафедр в Наркомпрос БССР для последующего рассмотрения СНК БССР³⁶. Среди множества предписаний БГУ особый интерес представляют материалы о проведении первых чисток личного состава университета. В июле 1923 г. в отчете правления БГУ, адресованном Центральной комиссии по борьбе со взяточничеством при ЦИК БССР, были названы первые четыре человека, ставшие жертвами такой чистки. Что интересно, в обвинительных формулировках не фигурировали примеры взяточничества. Людей увольняли за «вялость, отсутствие малейшей любви к делу», отсутствие желания «интересоваться политической жизнью», «антисемитизм» и т. д.³⁷

²⁹НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 87. Л. 18, 19.

³⁰Там же. Д. 96. Л. 10, 11.

³¹Там же. Л. 20.

³²Там же. Д. 99. Л. 12.

³³Там же. Л. 23, 29, 33.

³⁴Там же. Д. 126. Л. 26.

³⁵Там же. Л. 151.

³⁶Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213. Л. 272.

³⁷НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 104. Л. 45–46.

В рамках союзного государства действовал ряд общих нормативов, среди которых фигурировали и нормы приема в вузы. В фондах НАРБ можно найти сведения на этот счет. Таким образом, БГУ получал уже и союзные предписания по поводу стратегии и тактики действий белорусского университета в системе высшей школы Советского Союза. На 1923/24 учебный год количественная норма приема в вузы СССР была определена в 29 910 мест, хотя по факту приема она была превышена на 7 % (в вузы советских республик были приняты 32 093 студента). В НАРБ представлены данные по 29 московским, 25 петроградским и 3 провинциальным вузам (хотя еще по 12 провинциальным вузам сведений нет)³⁸. Термин «провинциальный вуз», безусловно, привлекает внимание. Для союзных республик его использование уже тогда становилось уничижительным, хотя ранее эта формулировка употреблялась без негативного оттенка. Например, в ноябре 1923 г. заместитель ректора БГУ С. З. Каценбоген в записке, направленной в президиум Мингорисполкома, отмечал, что университет сумел «в своем быстром росте выделиться из ряда провинциальных вузов, приближаясь к типу столичных»³⁹. Приведенные высказывания В. И. Пичеты также свидетельствуют о восприятии белорусского университета как провинциального на фоне столичных вузов.

Чтобы избавиться от такой оценки, понадобилось некоторое время. В циркулях Главпрофобра РСФСР эта формулировка исчезала постепенно, не так быстро, как того требовал союз равноправных республик. Так, 17 января 1924 г. Главпрофобр РСФСР укорял правление БГУ за то, что «провинциальный» белорусский университет «самочинно направляет инвалидов войны и больных в Москву на лечение» без согласования с Наркоматом здравоохранения РСФСР⁴⁰. Любопытный факт: 10 июля 1924 г. в связи с переходом вузов БССР «в отдельную принадлежность» Главпрофобра БССР правление БГУ обратилось в это ведомство с просьбой затребовать из Главпрофобра РСФСР «жизнеописания и труды всех научных сотрудников, об утверждении которых Правление в свое время просило упомянутый Главпрофобр» СССР. И уже 14 июля из Минска в Москву такой запрос был направлен⁴¹.

Через несколько дней, 22 июля 1924 г., на заседании СНК БССР был заслушан доклад Наркомпроса БССР о количественных нормах приема студентов на 1924/25 учебный год. В результате обсуждения было принято постановление, где были указаны такие нормы приема в вузы БССР (например, на медицинский факультет БГУ планировалось принять 150 человек, на педагогический факультет БГУ – 200 человек и т. д.)⁴².

К этому времени Главпрофобр БССР уже взял под свой контроль утверждение университетских преподавателей в должностях. Правда, о принятых решениях он информировал российских и украинских коллег, что свидетельствует о тесном взаимодействии ведомств в новом союзном государстве⁴³.

Обобщить изложенные факты позволит обращение к материалу, описывающему положение дел в БГУ по прошествии первого отрезка его истории, когда в 1925 г. на всех факультетах состоялись первые выпуски студентов. Так, в НАРБ хранится обширный (более чем 60 страниц машинописного текста) отчет за пять лет деятельности БГУ, написанный по-белорусски. В ряде мест текст отредактирован рукой В. И. Пичеты, о чем свидетельствует его узнаваемый почерк. Он же на первой странице отчета написал чернилами дату «1/I – 1926 года», а на последней расписался и указал дату «1/I – 27 года». В отчете лапидарно изложены как хорошо известные, так и достаточно новые факты, например о создании факультетов и эволюции их структуры, материальном состоянии и перспективах его улучшения, кадровом научном потенциале, попытках найти оптимальные подходы к обучению слабо подготовленных студентов с учетом высоких требований к выпускнику классического университета и др.

Уже на первой странице отчета отмечается, что «расійская секцыя (на педагогическом факультете БГУ. – О. Я.) была зачынена... згодна прапазыцыі Наркамасветы» БССР. В тексте повсеместно используется термин «расейцы», а не «рускія», например при описании национального состава студенчества: «...1308 беларусаў, 1049 яўрэяў, 136 расейцаў, 33 палякаў, 39 іншых». В отчете указывается, что уже на начальном этапе деятельности БГУ более 70 % средств для обеспечения его потребностей поступало от ЦИК ССРБ, а из народных комиссариатов РСФСР – «сумы залатога фонду... і з гэтага боку Унівэрсытэт не атрымаў усё тое, што ён павінен быў атрымаць»⁴⁴. На сессии ЦИК ССРБ (26 июня 1922 г.) был представлен доклад о деятельности БГУ за истекший год. В резолюции к докладу были обозначены девять позиций, в которых были изложены направления и формы оказания помощи университету. В их числе присутствовала рекомендация обратиться в Наркомпрос РСФСР с ходатайством о предоставлении «золотого фонда», установлении стипендий «соответственно декрету РСФСР», имени ЦИК и отдельных народных комиссариатов, а также о созыве совещания представителей губернских исполнительных комитетов и губернских отделов народного образования Витебской, Гомельской и Смоленской губерний «о совместной поддержке

³⁸ Там же. Д. 119. Л. 9.

³⁹ Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213. Л. 303.

⁴⁰ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 126. Л. 11.

⁴¹ Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213. Л. 392–393.

⁴² Там же. Л. 396.

⁴³ Там же. Л. 397, 400.

⁴⁴ Там же. Д. 1566. Л. 8.

университета» и др.⁴⁵ Далеко не все просьбы были удовлетворены, университет приходилось «поднимать» преимущественно за счет республиканских средств.

Приведенные примеры демонстрируют очевидное преобладание русского языка и традиций российского университетского образования в учебном процессе, несмотря на начавшуюся политику белорусизации. Особенно показательным является то, что на оборудование кабинета российской истории выделялись более крупные суммы (свыше 1,3 тыс. руб.), чем на оборудование кабинета белорусской истории (всего 0,8 тыс. руб.). «Каб паставіць належачым чынам выкладаньне», на оборудование первого кабинета в указанном отчете запрашивалось уже 29 тыс. руб., а на оборудование второго – только 5 тыс. руб.⁴⁶ Пытаясь понять столь существенную разницу в имеющихся и запрашиваемых в первой половине 1920-х гг. суммах, можно предположить, что руководство БГУ исходило из условий тех лет: закупка книг по истории на русском языке была достаточно простой задачей в отличие от закупки белорусскоязычной исторической литературы. Это было не проявлением пренебрежения к истории Беларуси, а отражением общего положения дел в сфере образования и науки на начальном этапе становления белорусской государственности. Университет испытывал катастрофическую нехватку средств на приобретение даже самого элементарного. Прошедшая в 1926 г. в целях экономии оптимизация предметных кабинетов (кабинет российской истории был объединен с кабинетом всеобщей истории, а кабинет белорусской истории – с кабинетами белорусской литературы и краеведения) показала ошибочность данного решения. Выдержки из отчета подтверждают это: «...кожны кабінет мае сваё асабістае значэньне»⁴⁷.

Стоит добавить, что в 1921–1928 гг. на кафедрах педагогического факультета БГУ читались различные курсы по истории России. Курс по истории СССР внедрялся в учебный процесс советских вузов с трудом. В 1936 г. Институт истории Академии наук СССР был нацелен на написание монументальной истории СССР и разработку соответствующего учебника для вузов⁴⁸. Только тогда и в БГУ, и в других вузах стали формироваться кафедры по этому направлению. Фактически в содержании читаемых дисциплин вплоть до начала XXI в. превалировала именно российская история, тогда как обращение к истории союзных республик было поверхностным и необязательным.

В отчете о деятельности БГУ за 1926–1927 гг. читается гордость за то, что создание и развитие университета обеспечивалось в первую очередь местными силами. Достижения БГУ представлены в тексте с определенной долей пафоса. Так, отмечается, что многие десятки первых выпускников – это результат, который БГУ «даў нашай краіне... і тым самым пачаў выконваць тыя задачы і мэты, дзеля якіх урад Беларусі лічыў неабходным адчыніць Вышэйшую Навучальную Установу на абшарах Беларусі, у Менску». Одной из таких задач было то, что БГУ должен был стать «цэнтрам культурна-навуковага жыцця Беларусі... і ён выканаў волю Ураду»⁴⁹. В решении кадровых проблем «прыходзілася орыентавацца на іншыя краіны, галоўным чынам Р.С.Ф.С.Р.». На 1 января 1927 г. в БГУ числились 40 профессоров, 32 доцента, 90 ассистентов, 46 ординаторов, 8 преподавателей иностранных языков и 39 педагогов рабочего факультета, при этом весь штат сотрудников БГУ насчитывал 235 человек. Интересно, что за пять лет из БГУ по тем или иным причинам ушли всего 7 преподавателей⁵⁰.

Заключение

Анализ архивного материала свидетельствует о сложности создания первого университета Беларуси в условиях политического и экономического становления белорусской государственности. Разные по масштабу процессы учреждения университета и формирования государства во многом были взаимообусловленными. Они развивались в контексте сложных отношений с РСФСР, а затем в контексте

вхождения в состав СССР. Очевидной доминантой обоих процессов выступало неуклонное укрепление белорусской государственности. Эволюция институциональных характеристик первого белорусского университета позволила ему стать эффективной и многофункциональной образовательной структурой и сыграть чрезвычайно важную роль в развитии Беларуси.

Библиографические ссылки

1. Турук ФФ. *Белорусское движение: очерк истории национального и революционного движения белорусов*. Москва: Государственное издательство; 1921. 144 с.
2. Игнатенко ИМ. *Великий Октябрь в судьбах белорусского народа*. Минск: Беларусь; 1987. 319 с.

⁴⁵ НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1426. Л. 93.

⁴⁶ Там же. Д. 1566. Л. 44.

⁴⁷ Там же. Л. 43.

⁴⁸ Институт истории Академии наук СССР в документах и материалах. Вып. 1 / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2016. С. 18.

⁴⁹ Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1566. Л. 3, 9.

⁵⁰ Там же. Л. 4.

3. Круталевич ВА. *Рождение Белорусской Советской Республики. На пути к провозглашению республики. Октябрь 1917 – декабрь 1918 г.* Хацкевич АФ, Юхо ИА, редакторы. Минск: Наука и техника; 1975. 334 с.
4. Круталевич ВА. *Рождение Белорусской Советской Республики. Провозглашение республики. Развертывание национально-государственного строительства. Ноябрь 1918 – февраль 1919 г.* Минск: Наука и техника; 1979. 334 с.
5. Скалабан ВВ. Возмутитель научного спокойствия. Письма из архива В. А. Круталевича (1960-е годы). *Беларуская думка*. 2011;8:42–49.
6. Карпенко ИС, составитель. *Путем борьбы и труда: материалы научной конференции, посвященной 70-летию образования БССР и Компартии Белоруссии; 22 декабря 1988 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Беларусь; 1989. 182 с.
7. Игнатенко ИМ. *Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии*. Минск: Навука і тэхніка; 1992. 254 с.
8. Игнаценка ИМ. *Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі: асаблівасці і вынікі*. Мінск: БелНДЦДААС; 1995. 270 с.
9. Круталевич ВА. *История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922 гг.)*. Минск: Право и экономика; 2003. 585 с.
10. Сташкевич НС. Трудный путь государственности. *Беларуская думка*. 2008;1:28–33.
11. Сташкевич НС. Белорусская государственность: этапы становления (XX век). *Гісторыя: праблемы выкладання*. 2009;3:3–8.
12. Сташкевич НС. Белорусская государственность: этапы становления (XX век). *Гісторыя: праблемы выкладання*. 2009;4:3–6.
13. Данилов АН, Кошелев ВС, редакторы. *Проблемы формирования белорусской государственности в XX – начале XXI века: избранные труды Н. С. Сташкевича*. Минск: РИВШ; 2012. 242 с.
14. Хомич СН. *Территория и государственные границы Беларуси в XX веке. От незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo*. Минск: Экономпресс; 2011. 416 с.
15. Щавлинский НВ. *Белорусское национальное движение в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)*. Минск: РИВШ; 2001. 136 с.
16. Щавлинский НВ. *Историография белорусского национального движения в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)*. В: Божанов ВА, Боголейша СВ, редакторы. *Этноконфессиональные процессы в истории Беларуси: сборник научных статей по итогам Республиканской научно-теоретической конференции; 12 декабря 2016 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БНТУ; 2016. с. 214–230.
17. Коваленя АА, Костюк МП, Данилович ВВ, Бондаренко КМ, Бригадин ПИ, Голубев ВФ и др. *История белорусской государственности*. Минск: Беларуская навука; 2018–2020. 5 томов.
18. Касцюк МП, Ладзеўска УФ, Данилович ВВ, Смяховіч МУ, Мазец ВГ. *Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе*. Мінск: Беларуская навука; 2008. 615 с.
19. Жытко АП, Забаўскі ММ, Смяховіч МУ, Каваленя АА, Данилович ВВ, Касцюк МП і інш. *Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. Кніга 2*. Мінск: Беларуская навука; 2012. 654 с.
20. Коваленя АА, Данилович ВВ, Смяховіч НВ, Мазец ВГ, Костюк МП, Альховіч НК і др. *История белорусской государственности. Том 3, Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939 гг.)*. Мазец ВГ, Смяховіч НВ, Третьяка СА, редакторы. Минск: Беларуская навука; 2019. 639 с.
21. Шумейко МФ, В. И. Пичета как эксперт по архивам в 1920–1947 гг. *Отечественные архивы*. 2014;1:3–14.
22. Шумейко МФ, составитель. *Первая всебелорусская конференция архивных работников. 12–15 мая 1924 г. Документы и материалы*. Минск: БелНИИДАД; 1999. с. 34–35.
23. Шумейко МФ. Влияние Рижского мирного договора на судьбы белорусских архивов. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2021;2:17–28. DOI: 10.33581/2520-6338-2021-2-17-28.

References

1. Turuk FF. *Belorusskoe dvizhenie: ocherk istorii natsional'nogo i revolyutsionnogo dvizheniya belorusov* [The Belarusian movement: an essay on the history of the national and revolutionary movement of Belarusians]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo; 1921. 144 p. Russian.
2. Ignatenko IM. *Velikii Oktyabr' v sud'bach belorusskogo naroda* [Great October in the destinies of the Belarusian people]. Minsk: Belarus'; 1987. 319 p. Russian.
3. Krutalevich VA. *Rozhdenie Belorusskoi Sovetskoi Respubliki. Na puti k provozglasheniyu respubliki. Oktyabr' 1917 – dekabr' 1918 g.* [The birth of the Belarusian Soviet Republic. On the way to the proclamation of the republic. 1917 October – 1918 December]. Khatskevich AF, Yukho IA, editors. Minsk: Nauka i tekhnika; 1975. 334 p. Russian.
4. Krutalevich VA. *Rozhdenie Belorusskoi Sovetskoi Respubliki. Provozglashenie respubliki. Razvertyvanie natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva. Noyabr' 1918 – fevral' 1919 g.* [The birth of the Belarusian Soviet Republic. Proclamation of the Republic. The deployment of national-state construction. 1918 November – 1919 February]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1979. 334 p. Russian.
5. Skalaban VV. [A troublemaker of scientific tranquility. Letters from the archive of V. A. Krutalevich (1960s)]. *Belaruskaja dumka*. 2011;8:42–49. Russian.
6. Karpenko IS, compiler. *Putem bor'by i truda: materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu obrazovaniya BSSR i Kompartii Belorussii; 22 dekabrya 1988 g.; Minsk, Belarus'* [Through struggle and labour: materials of the scientific conference dedicated to the 70th anniversary of the formation of the BSSR and the Communist Party of Belarus; 1988 December 22; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarus'; 1989. 182 p. Russian.
7. Ignatenko IM. *Oktyabr'skaya revolyutsiya i samoopredelenie Belorussii* [The October Revolution and the self-determination of Belarus]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1992. 254 p. Russian.
8. Ignacenka IM. *Kastrychnichkaja rjevaljucyja na Belarusi: asablivasci i vyniki* [The October Revolution in Belarus: features and results]. Minsk: BelINDCDAAS; 1995. 270 p. Belarusian.
9. Krutalevich VA. *Istoriya Belarusi: stanovlenie natsional'noi derzhavnosti (1917–1922 gg.)* [The History of Belarus: the formation of national statehood (1917–1922)]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2003. 585 p. Russian.
10. Stashkevich NS. [The difficult path of statehood]. *Belaruskaja dumka*. 2008;1:28–33. Russian.
11. Stashkevich NS. [Belarusian statehood: stages of formation (20th century)]. *Gistoryja: prablemy vykladannja*. 2009;3:3–8. Russian.

12. Stashkevich NS. [Belarusian statehood: stages of formation (20th century)]. *Gistoryja: problemy vykladannja*. 2009;4:3–6. Russian.
13. Danilov AN, Koshelev VS, editors. *Problemy formirovaniya belorusskoi gosudarstvennosti v XX – nachale XXI veka: izbrannye trudy N. S. Stashkevicha* [Problems of formation of the Belarusian statehood in the 20th – early 21st century: selected works of N. S. Stashkevich]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2012. 242 p. Russian.
14. Khomich SN. *Territoriya i gosudarstvennye granitsy Belarusi v XX veke. Ot nezavershennoi etnicheskoi samoidentifikatsii i vneshnepoliticheskogo proizvola k sovremennomu status quo* [The territory and state borders of Belarus in the 20th century. From incomplete ethnic identity and foreign policy arbitrariness to the modern status quo]. Minsk: Ekonompress; 2011. 416 p. Russian.
15. Shchavlinskii NB. *Belorusskoe natsional'noe dvizhenie v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918 gg.)* [The Belarusian national movement during the First World War (1914–1918)]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2001. 136 p. Russian.
16. Shchavlinskii NB. [Historiography of the Belarusian national movement during the First World War (1914–1918)]. In: Bozhanov VA, Bogoleisha SV, editors. *Etnokonfessional'nye protsessy v istorii Belarusi: sbornik nauchnykh statei po itogam Respublikanskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii; 12 dekabrya 2016 g.; Minsk, Belarus'* [Ethno-confessional processes in the history of Belarus: collection of scientific articles on the results of the Republican scientific and theoretical conference; 2016 December 12; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian National Technical University; 2016. p. 214–230. Russian.
17. Kovalenya AA, Kostyuk MP, Danilovich VV, Bondarenko KM, Brigadin PI, Golubev VF, et al. *Istoriya belorusskoi gosudarstvennosti* [History of the Belarusian statehood]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2018–2020. 5 volumes. Russian.
18. Kascjuk MP, Ladysew UF, Danilovich VV, Smjahovich MU, Mazec VG. *Narys gistoryi belaruskaj dzjarzhawnasci: XX stogoddze* [An essay on the history of Belarusian statehood: the 20th century]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2008. 615 p. Belarusian.
19. Zhytko AP, Zabawski MM, Smjahovich MU, Kavalenja AA, Danilovich VV, Kascjuk MP, et al. *Gistoryja belaruskaj dzjarzhawnasci w kancy XVIII – pachatku XXI st. Kniga 2* [The history of the Belarusian statehood at the end of the 18th – beginning of the 21st century. Book 2]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2012. 654 p. Belarusian.
20. Kovalenya AA, Danilovich VV, Smekhovich NV, Mazets VG, Kostyuk MP, Al'khovik NK, et al. *Istoriya belorusskoi gosudarstvennosti. Tom 3, Belorusskaya gosudarstvennost': ot idei k natsional'nomu gosudarstvu (1917–1939 gg.)* [The history of the Belarusian statehood. Volume 3, Belarusian Statehood: from an Idea to a National state (1917–1939)]. Mazets VG, Smekhovich NV, Tret'yaka SA, editors. Minsk: Belaruskaya navuka; 2019. 639 p. Russian.
21. Shumeiko MF. [V. I. Picheta as an expert on archives in 1920–1947]. *Otechestvennye arkhivy*. 2014;1:3–14. Russian.
22. Shumeiko MF, compiler. *Pervaya vsebelorusskaya konferentsiya arkhivnykh rabotnikov. 12–15 maya 1924 g. Dokumenty i materialy* [The first All-Belarusian conference of archival workers. 1924 May 12–15. Documents and materials]. Minsk: BelNIIDAD; 1999. p. 34–35. Russian.
23. Shumeiko MF. Influence of the Riga Peace Treaty on the fate of the Belarusian archives. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;2:17–28. Russian. DOI: 10.33581/2520-6338-2021-2-17-28.

Статья поступила в редколлегию 20.03.2023.
Received by editorial board 20.03.2023.